

ния. И ее исход Сталин помнил в деталях. Однако, то ли от позднего времени, то ли от сознания необычной обстановки, в которой все это происходило, я запомнил лишь немногое из того, о чем он говорил. И опомнился только, когда Сталин заключил:

— Вот как это было. Совсем не так, как вам докладывал ваш полковник Иванов.

На прощанье он пожелал нам успеха и вручил сценарий.

Дома мы с Чиатурели внимательно просмотрели его. Правок почти не было. Точнее, было две. Первая относилась к сцене на лестничной клетке с участием Евы Браун. Было написано: “Видны обольстительные очертания ее ног”. Сталин тонким карандашом вычеркнул слово “обольстительные”. (Эта сцена не вошла в фильм.) Правка говорила о том, что Сталину эпизод мог показаться фривольным. А вот вторую правку не могу вспомнить без стыда. Герой фильма, которого играл, если помните по фильму, Андреев, кинул у нас гранату... в амбразуру немецкого танка. Как я, военный корреспондент, мог написать такую чушь? В амбразуру и пальца не просунешь, не то что гранату. А товарищ Сталин, решив подправить нашу неловкость, добавил: “развороченную снарядом”. Но вы понимаете, что если снаряд разворотил амбразуру, то в танке скорее всего никого не осталось. Выбросили и этот эпизод.

А затем взялись навестывать упущенное. Прежде всего, нужно было определиться с актером на роль Сталина. Одна кандидатура была традиционной — Геловани. Он играл, как известно, роль Сталина в большинстве фильмов. Но мало кому было известно, что Сталину нравился больше актер Дикий.

— Геловани, — говорил Сталин, — неплохо передает мой грузинский акцент, тогда как актер Дикий лучше выражает мою сущность как русского государственного деятеля.

Дикий перед этим успешно сыграл Сталина в фильме “Третий удар”, и мы его пригласили на пробу вместе с Геловани. Съемки проходили в Кремле, в том зале, где, как нам сказали, заседала Ставка Верховного командования.

Расположили аппаратуру, наложили грим на актеров. Готовимся начать съемки. И тут тяжелая дверь в зале приоткрывается. Видим усы, потом появляется Сталин.

— Не помешаю? Мне сказали, здесь пробуют актеров на мою роль. Хотелось посмотреть, как это происходит. Продолжайте, пожалуйста, не обращайтесь внимания.

Легко сказать, не обращайтесь внимания. А каково актерам? Правда, Геловани это не смутило. Он уверенно произнес свои реплики. А вот у Дикого зуб на зуб не попадал. Еще бы — изображать Сталина в присутствии Сталина! И он начисто провалил свою пробу. Сталин заметно огорчился:

— Извините, товарищ режиссер, кажется, мое присутствие помешало актеру Дикому сосредоточиться. Не хотел бы вмешиваться, но не позволите ли вы ему попробовать еще раз?

Мы, естественно, сделали вторую пробу. Увы, она была совсем катастрофической. Иосиф Виссарионович это тоже понял и задумался.

— А что если я сам произнесу эту фразу, вы снимете, а потом актер Дикий дома посмотрит, и произнесет правильно?

Мы с Чиатурели смотрим друг на друга в замешательстве. Вообще представьте себе сцену, когда по залу ходят два актера в форме и гриме генералиссимуса, к ним присоединяется еще настоящий Сталин и предлагает снять и его.

И тут выручил помрежиссера.

— Как-то неудобно получается, — сказал он.

— Да, пожалуй, — сказал Сталин. Сухо попрощался и вышел.

— В чем же неудобство? — спросил я.

Павленко бросил на меня удивленный взгляд. Но я тогда и в самом деле не постигал, в чем была деликатность.

— Представьте, у нас на руках оказалась бы пленка, где Сталин играл роль Сталина.

Я повернул в голове ситуацию и, несмотря на возраст, сообразил, чем это могло не понравиться. Хочу напомнить, что шел 1949 год, мне было двадцать, а об особенностях характера вождя нас тогда еще не просвещал Н. Хрущев. Впрочем, когда Хрущев произнес свой известный доклад о культе личности,

все же не очень верилось его рассказу о том, будто военными операциями в минувшей войне Сталин руководил... по глобусу.

О том, как Сталин вникал в ведение военных действий, свидетельств достаточно, особенно, если знакомиться с мемуарами военачальников, описывающих обстановку, в которой завершалась война против гитлеровской Германии. Характерно мнение Георгия Жукова, которому нередко приходилось сталкиваться с суждениями Сталина, спорить с ним, доказывать свою правоту, а в ряде случаев признавать логичность тех или иных сталинских решений. Жуков писал, что если в начале войны Сталин не владел всем арсеналом тактических и стратегических знаний, то позднее он проявлял глубокое понимание этих особенностей.

Конечно, восхваление качеств вождя, утвердившееся в годы культа личности, искажало реальную картину. Но не меньший грех взяла на себя те, кто пытался окарикатурить все, связанное со Сталиным, с прежним руководством. Сохранить военный и экономический потенциал страны, успеть перевести его на Восток, развить в годы величайшего в истории человечества сражения такие виды техники на земле и в воздухе, которые превосходили то, на что была способна Германия, ведущая промышленная страна Запада, было неимоверно трудной задачей. И с ней справились руководители страны.

Петр Павленко далее говорил, что одной из целей творчества ставит отобразить вождя во всей его масштабности, но добавлял, что ему на это может не хватить сил и способностей. Мне же в фильме о взятии Берлина немало кадров уже тогда показались излишне парадными. Такова была, например, сцена — апофеоз появления Сталина в Берлине и всеобщего ликования народов.

На мой вопрос, не потеряно ли здесь чувство реального, Петр Андреевич заметил, что, конечно, создатели фильма пошли на художественное преувеличение.

— Согласен, сцена финала символическая. Но она так и задумана. Надо было дать зрителям ощущение праздника и величия победы. Вряд ли оно пришло бы только от показа развалин Берлина. В других фильмах мы показали тяготы войны, страдания людей. А теперь хотелось передать чувство радости от окончания войны, ощущение, что наступает счастливейшее время. Тут свою роль играют и законы финала. А сам фильм мы старались сделать близким тем, кому обязаны победой. Отсюда и роль главного героя, роль солдата, которую сыграл Андреев.

Я вспомнил сцену, когда Андреев-солдат пришел в Кремль и застал Сталина за спором со своим садовником. Тот говорил, что у Сталина ничего не выйдет с яблонькой, которую тот решил вырастить в Москве.

— Не привьется она, Иосиф Виссарионович, не приживется. Она же южанка.

И лукавый ответ Сталина.

— Я тоже южанин. А здесь прижился.

Это была символика. И она работала на образ довольно смело для того времени.

Павленко был, конечно, не прост. Он понимал, что Сталин был крут и своенравен. Близкая дистанция к вождю могла оказаться опасной, тем более, если бы была снята пленка со Сталиным, играющим роль Сталина.

Я спросил, а не было ли у Сталина артистических способностей, которые толкнули его попытаться “сыграть” столь необычную роль. Подумав, Павленко рассказал, что в начале войны Сталину действительно пришлось пережить эпизод, когда ему потребовалось выступить в необычной роли.

— Помните ноябрьский парад 1941 года на Красной площади? Немцы стояли близко от Москвы. Они были уверены, что с Москвой, с Советским Союзом покончено, и даже привезли из Финляндии постамент из гранита для памятника Гитлеру. По их замыслу, он должен был быть водружен именно 7 ноября на Красной площади. А вместо этого Сталин выступил с Мавзолея перед бойцами, прямо с площади отправлявшимися на битву с немцами.

Наши кинодокументалисты прибыли на Красную площадь в последний момент. Они сумели снять Сталина лишь издалека. А надо помнить, какую роль играли кинокадры такого рода всюду, где их показывали. Руководитель съемки это прекрасно понимал. Он просил доложить Сталину, что им не удалось снять его выступление крупным планом. Без этого фильм многое потеряет.

Сталин переспросил:

— Он действительно так думает? А что можно сделать?

И согласился на съемки внутри помещения, но в шапке, как если бы он стоял на Мавзолее. Фон был мраморный и зритель мог подумать, что этот крупный план снят на Красной площади. Тем более что его сопровождала подлинная звукозапись речи И. Сталина. Но посмотрев внимательно эти кадры, вы заметите, что в отличие от предыдущих, которые были сняты на площади, на морозе, не видно пара, который выходил бы изо рта оратора. Впрочем, вряд ли кто это тогда замечал. А запись Сталина, пошедшего на имитацию своей речи, воспринималась как подлинная. Она ведь и была по большому счету подлинной. Сталин был Сталиным, и запись его голоса была настоящей. Вот такие бывают случаи. Это тоже символы.

Прошло много лет. Больше полувека. Нет Сталина, нет Павленко, нет целых поколений. Но осталась Победа над фашистской Германией, подвиг, совершенный народом. Память человеческого уходит, меняет очертания. Ее, к тому же пытаются выхолостить, подлинную историю заменить жалкой пародией, парадами ряженных. И мне захотелось положить на бумагу эти впечатления далеких лет, чтобы не замолкала переключка ушедших и живущих.

Некоторые лица договорились до того, будто Гитлер лишь в порядке самообороны хотел захватить весь мир, а Советский Союз он бы тогда снабдил барварским пивом, не иначе. Писания эти кое-кто не просто печатает, но и рекомендует в качестве учебных пособий для юных граждан, из которых норовят сделать манкуртов, беспамятных людей. Вместо пива Гитлер заключал пленных в лагеря уничтожения, травил их ядовитым газом, огнем крематориев. Теперь же находятся охотники травить своими ядами людскую память.

С ними беседовать бесполезно. А вот тем, кто после нас захочет восстановить правду, рассказы ушедшего поколения могут оказаться нужными.

Павленко, с легкой руки тех, кто и Шолохова зачислял в плагиаторы, обозвали “литературным генералом”. Может быть, он не столь велик, как Шолохов, но его голос тоже не безразличен тем, кто желает знать правду о прошлом. В одном из рассказов Петр Андреевич повествует о том, как его и спутника накричал и разделил туман в Крымских горах. Они не видели друг друга и шли, окликая друг друга. Павленко боялся отстать от друга, он отличался слабым сердцем и не мог идти быстро. Когда же вышло солнце, оказалось, что не Павленко бежал за другом, а тот едва поспевал за ним. Так или иначе, они преодолели дорогу.

Это тоже символика. Когда в глаза застигает туман, надо окликать друг друга, нужна переключка людей, поколений, если мы хотим сохранить реальную память о прошлом.

Через годы мне слышится негромкий голос Павленко, повествующего о необычной встрече, когда Сталин объяснял ему ход битвы за Берлин. О том, как ее завершали с юга маршал Конев с его крепкой крестьянской хваткой, с севера — интеллигентный Рокоссовский, переживший в свое время несправедливый арест и дороживший каждым своим солдатом. А в центре добивал Гитлера неукротимый Жуков, который ранее, побив японцев при Халхин-Голе в Монголии, фактически предупредил вступление Японии в войну против СССР, затем остановил вражеские армии под Ленинградом, отбросил их от Москвы, и Сталин предоставил ему честь завершить величайшую битву в истории человечества, благодаря которой долго сохранялись мир и свобода на земле.

Лоллий ЗАМОЙСКИЙ